

К 100-летию Бердибека Сокпакбаева

АДАЛ АЗАМАТ КАЗАХСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

100-летие Бердибека Сокпакбаева, выдающегося классика казахской литературы, включено по инициативе Главы государства в календарь памятных дат ЮНЕСКО 2024 года. Юбилейный год открылся торжественными мероприятиями в Конаеве, областном центре Алматинской области, где в селе Костобе Нарынкольского района родился будущий писатель. Его именем в родном селе будут названы парк и улица, реконструирован музей, установлен бюст у школы-гимназии его имени, имя Бердибека Сокпакбаева будет также присвоено областной библиотеке. В литературно-музыкальном вечере приняли участие государственные и общественные деятели, известные писатели и журналисты, отмечавшие, что, несмотря на то, что

самая известная в казахской детской литературе повесть «Меня зовут Кожа» переведена на 68 языков мира, а снятый по ней одноименный фильм получил в 1967 году специальный приз Каннского кинофестиваля, автор знаменитого на весь мир произведения не был отмечен при жизни никакими государственными наградами. И пришла пора возвращать выдающемуся мастеру пера должное, чем, возможно, и запомнится юбилейный год.

О месте Бердибека Сокпакбаева в родной литературе, его вкладе в воспитание и формирование многих поколений казахстанцев, выросших на талантливых книгах писателя, беседуют члены Союза писателей Казахстана – переводчик **Самал Сокпакбаева** и поэт, переводчик, публицист **Любовь Шашкова**.

– Самал, в этом году в широко известной республиканской акции «Одна страна – одна книга» предложены к чтению произведения Бердибека Сокпакбаева. Знаешь, меня поразила скудность повторяющихся сведений, сопровождающих её в Интернете. Давай поговорим о его ранних известных повестях «Шестнадцатилетний чемпион», «Меня зовут Кожа», «Путешествие в детство», и прежде всего, об истоках его уникального, самобытного творчества. Кожу нередко называют казахским Томом Сойером, и это, видимо, не случайно. Несмотря на разную национальную принадлежность этих всемирно известных героев популярных произведений Марка Твена и Бердибека Сокпакбаева, оба они вызывают огромную симпатию читателей своими яркими, запоминающимися образами веселых шалунов с живым умом, неиссякаемой энергией, фантазеров с доброй душой. Расскажи, в какой среде рос твой отец, как он стал писателем, что определило направленность его творчества?

– Согласна с тобой, Люба, относительно информационной скудности, сопровождающей эту громкую акцию. Думаю, тому есть несколько причин. Одна из них, на мой взгляд, кроется в достаточно скромной личности моего отца, творчество которого не сопровождалось, как сейчас говорят, широким пиаром и поиском благосклонности властей. Ему были чужды суэта и предпримчивость многих творческих деятелей, искавших легкого и успешного хождения в народ своих творений. Вторая, по-видимому, связана с недостаточным усердием современных литературоведов, журналистов и блогеров. До появления первых, невероятно успешных повестей «Шестнадцатилетний чемпион», «Меня зовут Кожа» и «Путешествие в детство» молодой писатель печатался в известных газетах и журналах, а потом выпустил сборник стихов «Бұлақ» («Родник»), который сразу стал заметным явлением в казахской литературе того времени. Не останавливаясь подробно на каждой из этих повестей, могу только отметить то общее, что объединяет все эти произведения и что, безусловно, явилось главным обстоятельством их громкого успеха у читателей. Конечно же, это абсолютная реалистичность многих описываемых героев и обстоятельств времени, достоверность происходящих событий, это проходящая через все страницы книг идея всепобеждающего добра, сила человеческого характера, трепетное отношение к самым глубинным человеческим чувствам, яркий национальный колорит повествований, огромное жизнелюбие и тонкий юмор, которые были неотъемлемыми чертами личности самого писателя.

Мечта стать писателем зародилась в душе отца с самых ранних лет, об этом он вспоминает в повести «Путешествие в детство». Любовь к чтению, острое желание как можно скорее постичь грамоту и научиться письменно выражать свои мысли возникли в первые же дни учебы в открывшейся в родном ауле школе. Своей мечте отец упорно следовал все последующие годы, усердно постигая все тонкости писательского дела. Ты справедливо отметила сходство казахского Кожи и американского Тома Сойера – двух известных на весь мир озорников с добрым сердцем и острым умом. Марк Твен был одним из любимых писателей отца, которому были очень близки выразительный писательский стиль и блестящий юмор американского собрата по перу, что, возможно, в определенной степени повлияло в будущем и на творческий почерк автора «Кожи».

О детстве, сиротстве, тяготах предвоенной, военной и послевоенной жизни нашей страны с большой болью рассказано во многих произведениях отца. Но самым тяжелым и невыносимым для него на всю жизнь стало слово «сирота». Продолжительная болезнь любимой матери, ее медленное, неотвратимое угасание на глазах потрясенного семейным горем малолетнего сына, последовавшие затем годы горького сиротства – всё это легло незаживающей раной на чуткое сердце писателя, определило обостренный гуманизм его произведений.

– И тебе же наверняка приходилось бывать на родине отца, в благословенном Нарынколе, с которым связаны все его книги?

– Что касается моих воспоминаний о родине отца, то они связаны в первую очередь с потрясающе живописными картинами необъятных просторов равнин и предгорий «золотой колыбели» казахов – Жетысу. Это бархатистые, манящие своей кажущейся мягкостью склоны холмов, заснеженные вершины Алатау, бурные горные и неспешные равнинные реки, множество родников с обжигающей и вкусной водой, извилистые серпантины узких горных дорог – всё, что по сей день восхищает и удивляет на всем пути от Алматы до Нарын-

кола. Сам аул того времени, конечно, был совсем другим. Меня родители возили туда обычно летом, жили мы у кого-либо из родичей, как правило, в юрте на джайлау. Детское восприятие окружающего мира устроено таким замечательным образом, что в раннем возрасте мы способны не замечать многих очевидных бытовых неудобств, отсутствия комфорта и прочих атрибутов обустроенной жизни. В столице мы жили в скромных, но комфортных условиях городской жизни, я ходила в хороший детсад, располагавшийся в Парке имени 28 гвардейцев-панфиловцев. Но летние месяцы в раздольном, живописном Нарынколе были для меня по-особенному радостными и интересными. Там всюду бродили отары бляевших овец с маленькими забавными ягнятами, которых было так приятно гладить и обнимать. Я очень любила лошадей, обожала ездить с отцом верхом. Мне нравился запах казахской юрты, пропитанной духом свальной овчины, ароматом варившегося в большом казане мяса, жареных баурсаков, свежесбитого кисло-сладкого кумыса, сушившегося на солнце курта и иримшика. Меня восхищало всё, чем были наполнены мои летние месяцы в отцовском ауле. И я понимаю огромную, безграничную любовь отца, родившегося в этих благословенных, сказочно красивых местах, к своей малой родине, которая и стала основой всех его книг.

– Но ведь после успеха его поэтической книги «Родник» и повести о шестнадцатилетнем чемпионе судьба повести «Меня зовут Кожа», которая принесла ему наибольшую известность, складывалась, как выясняется, совсем не просто. Ее не хотели издавать в Казахстане, но всё решил выход книги в переводе на русский язык в издательстве «Детская литература». И только потом, в 1957 году, повесть вышла на казахском, а вскоре стала сценарием будущего фильма.

– Действительно, судьба повести «Меня зовут Кожа» поначалу складывалась очень непросто, и если бы отец не решился показать рукопись в Москве, мир, возможно, никогда не восхитился бы ни этим замечательным произведением, ни его весьма успешной киноверсией. В Алматы новое произведение писателя вызвало серьезную критику и было отвергнуто издательством. Суть критических замечаний состояла в несоответствии содержания повести принципам советского соцреализма, властей пугали правдивые картины послевоенного состояния казахского аула, тяжелого сельского быта, живые, «непричесанные» характеры героев, узнаваемые и не во всем благополучные жизненные коллизии простых сельских жителей. Для отца такая реакция издателей была тяжелым ударом. Но он не сник, не отступил от своего творения и показал рукопись московским литераторам, которые не только высоко оценили талантливое перо молодого писателя, самобытность и увлекательность повести, но незамедлительно предложили ее издательству «Детская литература», которое вскоре выпустило книгу в свет. Высокий художественный уровень произведения отметил и известный французский писатель Луи Арагон, благодаря которому повесть следом за Москвой была издана во Франции. Казахстанским издателям после такого очевидного успеха и широкого признания «Кожы» не оставалось ничего другого, как последовать примеру других и дать книге жизнь в её родной республике.

Не могу точно сказать, кого озарила идея экранизации полюбившейся миллионам читателей книги, но в 1963 году по сценарию моего отца в соавторстве с московским драматургом Н. Зелеранским был снят одноименный фильм, получивший несколько лет спустя приз Каннского кинофестиваля. Создателем

детского фильма, имевшего громкий мировой успех, был наш талантливый режиссер Абдулла Карсакбаев. Я очень рада, что мой отец испытал огромное творческое удовлетворение от триумфа своей книги, был, безусловно, горд и удовлетворен результатом своего труда. С тех пор прошло уже много лет, но повесть «Меня зовут Кожа» по-прежнему не залеживается на полках книжных магазинов, ее включили в школьную программу отечественных школ, а фильм всё так же часто и успешно показывают по телевидению.

– При таких зигзагах судьбы знаменитой книги писателя, неприятии цензуры и издателей интересно было бы узнать, а что в это время писали казахские критики, товарищи по перу о творчестве Бердибека Сокпакбаева?

– С публикацией его стихов в республиканских газетах, по словам известного литературного критика Серика Кирабаева, в писательских кругах заговорили о появлении очень интересного, талантливого поэта, чьи стихи отличались искрометным юмором, легким, изящным слогом, тонкой наблюдательностью и остроумием. Отец выпустил несколько успешных поэтических сборников, но потом неожиданно для всех занялся прозой. И если повесть «Шестнадцатилетний чемпион» цензура приняла довольно тепло, то «Кожа» был сразу же встречен в штыки. Это произведение было слишком близко к реальной жизни, в нем было всё, о чем писать не позволялось: человеческая боль, горькое сиротство, слишком живой характер главного героя, как отмечали критики – «малолетнего хулигана». Счастливого поворота в судьбе книги никто не предполагал...

– Мне кажется, этот счастливый поворот случился еще и потому, что Бердибек Идрисович учился на Высших литературных курсах при Литинституте в Москве, где его творчество было хорошо принято. Не многие казахские писатели той послевоенной поры могли воспользоваться такой возможностью приобщения к большому литературному миру. И получить поддержку московских коллег в издании главной книги своей жизни. Меня потрясло, как в один из трудных моментов жизни Берды-ага признался: «Откровенно говоря, благодаря именно этой повести мне удалось выжить, благодаря именно ей дух мой не был сломлен. Она поддерживала меня в самые мрачные дни и в материальном и в моральном смысле».

– Поступив на Высшие курсы в Литературный институт им. А. М. Горького, отец забрал в Москву и меня с мамой. Годы, прожитые нами в Москве, стали самым ярким и счастливым временем моего детства. Пользуясь всеми возможностями, имевшимися в столице СССР для приобщения детей к миру прекрасного, мои родители показали мне практически весь классический репертуар Большого театра, водили в знаменитый на весь мир Театр кукол им. С. Образцова, мавзолей, оставивший неизгладимое впечатление на долгие годы, музеи, кинотеатры, ВДНХ. Поэтому я могу уверенно сказать, что мой начальный духовно-культурный фундамент был заложен именно тогда, в горячо любимой мною Москве. И я представляю, какой интеллектуально, культурно, духовно наполненной была жизнь родителей в это время, которое к тому же увенчалось выходом долгожданной, выстраданной книги! С учетом масштаба всего Союза, это был поистине триумф! Первый её московский тираж был распродан за очень короткое время, и издательство выпустило второй тираж книги. После Москвы и Парижа «Кожа» стал издаваться в союзных республиках, на разных языках всё с тем же огромным успехом. Это была оглушительная победа молодого казахского писателя, которая пришла к нему не благодаря благосклонности властей родной страны, а вопреки их сопротивлению и всяческой обструкции.

О творческой судьбе отца очень точно и хорошо сказал известный казахский писатель и публицист Баккожа Мукай, который назвал ее «большой победой, состоявшей из многих поражений». Победой стало всемирное признание творчества отца, не прекращающееся по сей день издание его книг не только в Казахстане, но и за рубежом, неувядающая любовь родного народа и, наконец, празднование 100-летнего юбилея писателя под эгидой ЮНЕСКО, включившего это событие в календарь памятных дат.

А поражениями сопровождалась вся его многолетняя борьба с системой за право писать правду. Несмотря на всемирное признание его уникального, самобытного творчества, на родине произведения писателя подвергались самой жесткой цензуре, их нещадно кроили и сокращали в угоду политической конъюнктуры. Каждое варварское и беспощадное вмешательство в живую ткань произведения приносило отцу моральные и физические муки, отравляло жизнь. Наверное, в один из таких моментов отец и сказал о спасительном значении в его жизни книги «Меня зовут Кожа». О ее герое известный критик Т. Мамсеитов писал, что Кожа стал первым юным литературным героем, кардинально отличавшимся от всех детских персонажей, которых читатели знали по предыдущим произведениям казахских писателей – одинаково прилежных, хорошо воспитанных, трудолюбивых и послушных. И это очень насторожило критиков и редакторов. «Чему может научить такая книга?», «Может ли быть примером для детей такой хулиган?!» – говорили они с возмущением.

– Самал, как свидетельствует время, такие достоверные, привлекательные характеры главных героев и становились образцом для подражания многим поколениям юных казахстанцев. Мне рассказывал Бахытжан Канапьянов, как книга «Шестнадцатилетний чемпион» Берды-ага явилась в их семье, где тоже рано осиротели шестеро детей, которых поднимала одна мама, призывом к действию: сначала старший брат Санжар начал заниматься боксом, а потом по его примеру и Бахытжан, который стал, совсем как в книге, юным чемпионом. И он тоже написал о боксе книгу – «Удар вне ринга». То есть Бердибек-ага своими книгами не только воспитывал будущих чемпионов, но и будущих писателей. Не в этом ли состоит влияние его на читателей, на детскую литературу Казахстана?

– Во время творческих встреч с читателями, в процессе общения со многими своими соотечественниками мне нередко приходилось слышать, что в героях произведений Б. Сокпакбаева люди часто узнавали самих себя, заново переживали события собственной жизни. Многие, улыбаясь, так и говорили: «Кожа – это я!» Особой любовью его произведения пользовались у сельчан, которых привлекали узнаваемость самобытного сельского уклада, психология и колорит национального характера. История из личной жизни о важном, своевременном влиянии хорошей, талантливой книги на формирование детского характера, рассказанная известным нашим поэтом Бахытжаном Канапьяновым, трогательна и поучительна. В этой связи вспоминаю свою встречу со знаменитым казахским боксером, олимпийским чемпионом Ермаханом Ибраимовым, который тоже рассказал мне о том, какое сильнейшее впечатление оказала на него прочитанная в детстве повесть «Шестнадцатилетний чемпион» и что именно она определила выбор его главного жизненного пути.

В начале этого года на встрече с учащимися и педагогами одной из школ Алматы молодой учитель по имени Абай поделился со мной своей историей, связанной с повестью «Меня зовут Кожа». В возрасте шести лет он сильно

заболел, и во время болезни отец читал ему какую-то детскую книжку. Книга удивила его правдивостью и точным описанием таких же, как он сам, мальчишек и их взаимоотношений, словно писал ее не взрослый, а подросток. Лишь спустя годы Абай узнал, что удивившей его книгой была повесть о всенародном любимце Коже. У меня был с собой один экземпляр этой книги, и я подарила ее педагогу.

Кто знает, может, подобных интересных историй, связанных с влиянием произведений моего отца на чью-то судьбу, на самом деле намного больше? Ведь ему действительно удалось создать очень живой, яркий и обаятельный образ главного героя – не только шалуна, но оченьмышленого, справедливого, честного и смелого мальчишки с большим добрым сердцем!

– В том-то и дело, Самал, что читатель не видит ни скудости быта, ни горестей жизни, пугавших издателей, для нас главной окажется всепобеждающая доброта и радость бытия в этой книге, так счастливо перешедшие в фильм Абдуллы Карсакбаева. Нурлан Сегизбаев, сыгравший главную роль в фильме, рассказывал, как Бикен Римова и Нургиса Тлендиев учили его, городского мальчишку, почувствовать в себе степняка. Как народная артистка, ведя коня под уздцы, учила навыкам держаться в седле «показахски», то есть с прямой спиной и даже чуть откинувшись назад, а композитор фильма устраивал скачки с гиканьем и свистом, чтоб конь понес, аж ветер в ушах! Надо отметить, что и фильм, и книга транслируют миру этот национальный код, благодаря которому зрители и читатели ощущают свою тесную связь со своим народом, с родной землей, помогающий сохранить себя, свой характер, свою идентичность в сложном и противоречивом мире.

– Здесь уместно вспомнить, что, говоря о творчестве отца и отмечая «суровый» характер многих его произведений, Баккожа Мукай подчеркивал, что художественность произведений Сокпакбаева гармонично сочеталась с «фотографической» точностью описываемых событий, в которых факты его личной биографии были и фактами жизни родной страны. Анализируя повесть «Путешествие в детство», критик писал, что ее главная художественная ценность заключалась в абсолютно достоверном отображении жизни народа в тридцатых годах. Описывая период первых пятилеток и «великие» свершения, писатель был предельно честен со своими читателями и не пошел на поводу ложного пафоса и приукрашивания действительности. Не затрагивая глобальных проблем и социальной картины общества, его локальная история обнажала историческую правду жизни всего нашего народа в то сложное, порой жестокое время.

Только вот дорого стоила самому писателю эта правда! Неравная борьба с властью наносила непоправимые удары по творческим силам отца, который в конце концов сдался и прекратил писать, не достигнув и сорока лет...

– Самал, в этой связи в Интернете можно встретить свидетельства близко общавшихся с Бердибеком Идрисовичем писателей об «особом интересе» к его личности и творчеству «людей в штатском», как тогда называли работников КГБ. Мне приходилось бывать в доме, беседовать, писать о народном писателе Казахстана Музафаре Алимбаеве, авторе замечательных стихов для детей и собирателе казахских афоризмов, в которых он и сам был мастер. Долгие годы он возглавлял журнал «Балдырған», где в свое время работал и твой отец. Муз-ага рассказывал о посещении редакции некоего подозрительного человека, расспрашивавшего его о сотрудниках, атмосфе-

ре в коллективе, о работавшем там талантливым писателе Сокпакбаеве. Ощущала ли на себе подобный «интерес» ваша семья?

– Я хочу здесь сказать несколько слов о моей маме. Моя мать – Баймуратова Башен, заслуженный учитель РК, первая казашка – ученая в области дошкольного воспитания, стараниями которой в Алматы был открыт первый казахский детсад. Она была человеком широких интересов, любила и хорошо знала казахскую литературу. У моих родителей было много общего, схожие интересы, взгляды на жизнь. После окончания КазПИ они учительствовали в Нарынколе, жили там в ветхом домишке, с крошечной зарплатой. В те годы туда же сослали после освобождения из тюрьмы крупного ученого, первого казаха – доктора исторических наук Ермухана Бекмаханова, который тоже стал преподавать в школе. Отец помогал ему составлять учебные планы, потому что у ученого никакого опыта работы в школе не было. Они подружались, и мой отец, несмотря на круглосуточный надзор за ссыльным, часто приглашал его в свой дом. По словам мамы, вечерами они подолгу беседовали, порой потушив свет, чтобы не привлекать лишнего внимания. В результате отец тоже попал в поле зрения спецслужб, и у него начались неприятности на работе. Директор школы стал откровенно притеснять его и вынуждать к увольнению. В конце концов родители уволились и уехали в Алма-Ату. В столице они долгое время мыкались по углам, страдали от безденежья, периодически находя приют у своих лучших друзей Серика Кирабаева и его жены Алии Бейсеновой.

Спустя немного времени отец написал повесть «Меня зовут Кожа», которая широко прославилась. Однако после дружеских отношений с Е. Бекмахановым он оставался «неблагонадежным» для властей, в связи с чем, несмотря на громкий успех книги, его долго не принимали в Союз писателей и игнорировали просьбы о предоставлении жилья. И тогда отец отправил телеграмму с описанием своей жизненной ситуации в адрес проходившей в Ташкенте Международной конференции писателей стран Азии и Африки. Телеграмма возымела действие, и нам дали однокомнатную квартиру в хрущевском камышитово-каркасном домике барачного типа на окраине города в районе СМУ-15. Саманный сарай напротив дома отец оборудовал под кабинет. Там я пошла в школу, которую и закончила 10 лет спустя.

– Ты говоришь, что после сорока своих лет Бердибек Идрисович уже мало обращался к творчеству. Но ведь есть еще роман «Мертвые не возвращаются», который выдвигался на Государственную премию Казахстана, однако премии так и не получил. В чем была причина?

– В основе романа «Мертвые не возвращаются», как и прочих книг отца, писавшего главным образом о себе, лежит собственная история жизни. Роман потрясает своим трагизмом, обнаженным нервом, пронзительной искренностью и эмоциональным накалом. Несмотря на многочисленные купюры и жесткую редакторскую правку, произведение сохранило свой высочайший художественный уровень и тоже получило всенародное признание. Оценить достоинства книги готова была и власть. В 1974 году роман был выдвинут на соискание Государственной премии республики. Но вновь подсуетились «доброхоты», строчившие в высокие инстанции доносы о его былых отношениях с Е. Бекмахановым, о резкой критике советской идеологии, и заслуженная награда так и не была ему вручена. И эта ситуация тоже очень сильно повлияла на эмоциональное состояние отца.

На вопрос о причинах необычного названия романа автор отвечал, что умирают не только люди, умирает неосуществленная мечта, не достигнутая

цель, оборвавшаяся надежда. Главный герой книги Еркен на пути к своей цели тоже порой оказывается «на краю», сталкиваясь со многими жизненными трудностями, которые многому его учат и проверяют на прочность. На вопрос, не является ли сам писатель прототипом героя романа, автор честно признавался, что на девяносто процентов Еркен – это он.

Пользуясь данной публикацией, хочу сказать, что, анализируя творчество моего отца, многие известные критики, авторитетные писатели и литераторы говорят о нем как о выдающемся классике казахской литературы и считают ошибкой, когда Б. Сокпакбаева называют классиком только детской литературы. Думаю, к этому суждению стоит прислушаться.

– Я вспоминаю нашу с тобой встречу в середине 90-х годов в Союзе писателей Казахстана, ты в это время готовила к изданию свой русский перевод повести «Меня зовут Кожа», который одобрил твой отец. Как ты, химик по образованию, пришла к профессии переводчика? И как ты, сугубо городской житель, справлялась с фольклорной основой казахской художественной литературы?

– После школы я поступила на химический факультет КазГУ. Наш факультет в те годы находился на углу улицы Советской и проспекта Ленина, и место моего студенчества оказалось для меня судьбоносным. Кварталом выше находилась старая киностудия «Казахфильм», где однажды я увидела листок с объявлением о наборе в сценарную мастерскую, которая по окончании обучения выдавала слушателям направление для поступления во ВГИК. При соответствующих успехах я была готова бросить химфак и рвануть в Москву. Узнав о моем намерении уйти в мир кино, отец не на шутку разбушевался и заявил, что поднимет всех своих знакомых в Москве, чтобы меня на пушечный выстрел не подпустили ко ВГИКу. «Я не допущу, чтобы моя дочь попала в это логово порока!» – категорически заявил он мне. (Имея определенный опыт работы на киностудии «Казахфильм», отец, видимо, знал, о чем говорил.)

В результате, закончив университет, я стала работать в Институте металлургии и обогащения Академии наук. Однажды один из слушателей мастерской, уже закончивший учебу во ВГИКе, известный ныне писатель Смагул Елубай предложил мне сделать русский подстрочник написанного им рассказа. Первый опыт оказался удачным, я сделала еще несколько переводов. И этот, казалось бы, случайный факт тоже оказался судьбоносным в моей творческой биографии: директор издательства «Жалын» Калдарбек Найманбаев, оценив качество моей работы, пригласил меня на работу в издательство. На этот раз никакого обсуждения с родителями не было, я приняла собственное решение и ушла из Академии наук. В издательстве заказы на художественный перевод прозы и поэтические подстрочники посыпались как из рога изобилия, и это были счастливейшие годы.

Узнав, что я стала переводить художественную литературу, отец предложил мне перевести пару страниц «Кожи». «Хочу посмотреть, на что ты способна», – с лукавой улыбкой сказал он мне. Я хорошо знала характер отца и понимала, что если мой перевод не понравится, пощады не будет. Отец во всем был правдив и справедлив. До сих пор помню страх и огромное волнение, с которыми я выполняла, возможно, самое ответственное в своей жизни задание.

«Ну что ж, – сказал отец, прочитав мой перевод, – вижу, ты неплохо работаешь с текстом, и тебе можно доверить перевод моей книги. И хотя ее уже переводили на русский язык, перевод с подстрочника многое теряет. Посмотрим, каким получится прямой литературный перевод».

Так, с благословения отца, я приступила к работе над его знаменитой повестью. Прочитав готовый перевод, отец коротко отметил, что наконец в русском варианте книги появился национальный колорит, что в своем тексте мне удалось достаточно точно передать эмоциональное состояние героев, авторскую интонацию и атмосферу всего повествования, вызвавшие такой душевный отклик у широкого читателя.

Ты спрашиваешь, как мне – сугубо городскому жителю, удалось передать фольклорную основу повести «Меня зовут Кожа»? Дело в том, что в нашей семье всегда присутствовало двуязычие. Мать и отец разговаривали со мной исключительно на родном языке, а я с ними только на русском. Я ходила в русский детсад, училась в русской школе, читала русскую литературу и совсем не владела родной речью, но при этом очень хорошо понимала ее смысл и все нюансы казахского языка. Думаю, красивая казахская литературная речь родителей, обилие поговорок, пословиц, различных присказок, которыми они часто пользовались, детские поездки в аул, общение с родственниками отца и матери – всё это сформировало языковое чутье и хороший словарный фундамент, благодаря которому я, спустя время, без особого труда заговорила на своем родном языке.

Что касается русского варианта «Кожи» в моем переводе, то, к сожалению, он издавался только один раз в 1986 году. Несмотря на большую востребованность повести «Меня зовут Кожа» в связи с ее включением в школьную программу и отсутствию русского варианта книги в магазинах, издатели почему-то не спешат восполнять этот пробел. Кроме того, в программу юбилейных мероприятий включено проведение республиканского конкурса на лучшее сочинение по произведениям Б. Сокпакбаева. Надеюсь, что в этом, юбилейном году русскоязычный вариант повести «Меня зовут Кожа» всё-таки будет переиздан, поскольку с таким предложением ко мне уже обратились некоторые издательства.

– Девяностые годы тяжелым наследием развалившейся книгоиздательской системы до сих пор сказываются на неупорядоченности изданий и дефиците детской литературы. И мы с тобой, Самал, работавшие в издательствах, понимаем, как, должно быть, её судьбой был обеспокоен Бердибек Идрисович, видя наступающие в стране перемены.

– Да, отец с тревогой наблюдал развал СССР. Он был известен как непримиримый противник во многом ущербной советской идеологии, открыто говорил о засилье вранья в средствах массовой информации, категорически отказывался писать то, что от него требовалось, и оттого впал в многолетнюю опалу, потеряв возможность творчества на долгие, лучшие свои годы. Тем не менее, как большой, умудренный жизнью писатель с острым аналитическим умом и чуткой душой, он видел не только падение великой империи, но в то же время крушение главнейших человеческих ценностей, морали, духовности и культуры. Помню, как он сокрушался: «Чему теперь будут учить наших детей?! Какие книги они будут читать?!»

Вспоминаю один характерный случай 90-х годов, о котором мне рассказал брат отца. Однажды, прогуливаясь, как обычно, поблизости от своего дома, отец увидел сидевшую у края тротуара на каком-то ящике плохо одетую старую казашку, которая торговала поштучными папиросами. Увиденное так потрясло отца, что он, не в силах продолжать прогулку, вернулся домой со слезами на глазах: «Как мы могли докатиться до такого позора! – возмущался отец. – Даже в голодные, страшные годы войны наши матери не торговали папиросами, сидя в придорожной пыли!»

Уверена, что, приветствуя развал системы, которую он всегда открыто критиковал, отец, тем не менее, был очень обеспокоен отсутствием перемен к лучшему, не видел того, что вселяло бы надежду и веру в лучшие времена.

Несмотря на отравленное горьким сиротством детство, сложности, связанные со всевозможными препонами в творчестве, неурядицы в личной жизни, отец был большим жизнелюбом и оптимистом, он любил собирать у себя дома шумные компании друзей, славился своим тонким юмором, всегда был душой компании и весельчаком. У него был красивый заразительный смех искреннего, открытого человека, доброе и чуткое сердце. Однако к концу жизни отец заметно изменился, стал более замкнутым и молчаливым. Разговоров у меня с ним стало меньше, и касались они в основном банальных вопросов житейского бытия. Всё больше времени он проводил на своей небольшой даче в Широкой щели, где возился с собственноручно выращенным яблоневым садом, что-то писал или читал в построенном своими руками небольшом аккуратном деревянном флигеле, служившем ему кабинетом. Помню, как отец приехал к нам повидать внучку и, уходя, вдруг спросил меня: «Дочь, ты веришь, что счастье есть в жизни?». «Верю», – ответила я, удивляясь неожиданному вопросу. «Ошибаешься – счастья в жизни нет», – сказал отец и ушел. Это были его последние слова...

– Казахи говорят: 50 лет проходит – и народ меняется. Прошло уже 67 лет, как была издана повесть «Меня зовут Кожа». Уже и государство другое, и народ другой, и общество поменяло свои приоритеты. Но вот выходит книга Акберена Елгезека «Детство, которого не было». Автор посвящает её Бердибеку Сокпакбаеву. Тебе, Самал, довелось переводить эту книгу. Что их объединяет?

– Наверное, общим между повестью «Детство, которого не было» и книгами моего отца можно назвать память детства, которое зачастую не отпускает писателя, о котором он хочет рассказать и вновь пережить всё то, что когда-то ранило или делало счастливой неокрепшую детскую душу. Каждая такая история, описанная талантливым пером, оставляет свой след в душе читателя, заставляет вспомнить что-то свое из того далекого прошлого, что зовется страной детства.

– Общество может меняться, но неизменна душа писателя, творца, который хочет создавать свой совершенный мир, в котором живут жизнестойкие герои, с обостренным чувством справедливости, умеющие дружить и находить выход из самых сложных ситуаций благодаря уму, унаследованной от предков природной смекалке, доброте. Ведь мы бы и сегодня хотели, чтобы наши дети были похожи на таких героев. Такая литература учит наших детей мужеству преодоления. Тебе не кажется, Самал, что современная детская литература уводит их в мир фэнтези с его условным добром и злом и условным мужеством героев, которое в реальном мире сдувается, как шарик? И можно только догадываться, с какими монстрами сталкивает их виртуальный мир, в который они всё больше погружаются...

– Я абсолютно согласна с тобой, Люба. Нам, советским детям, очень повезло жить во времена культа книги. Мои родители были довольно скромны в быту. Отец был противником всяких излишеств, и маме приходилось сдерживать свои вполне понятные желания и отказываться порой от каких-то красивых и соблазнительных предметов посуды или интерьера. И даже когда к отцу пришел успех, а вместе с ним и материальный достаток, а мама получала не только зарплату научного работника, но и гонорары за написанные учебники, пособия и методички для детей дошкольного возраста,

они при каждой возможности покупали книги, пополняя нашу уже вполне солидную по тем временам домашнюю библиотеку. Чтение книг в те времена было обычным занятием детей практически в каждой советской семье. Сейчас дети хвастаются друг перед другом мобильником, машиной родителей и прочими атрибутами материального успеха семьи. А мы хвастались новой прочитанной или добытой из-под полы дефицитной книгой. Результат такой катастрофической метаморфозы мы сейчас наблюдаем во всех ее проявлениях. Трудно понять, например, новую теорию относительно вреда русских народных сказок, которые якобы делают детей инфантильными, неправильно расставляют акценты, приучают к жестокости или, напротив, излишней мягкотелости. То же самое происходит и с классической литературой, которую читает всё меньше молодежи и взрослых и вместо которой в огромном количестве предлагается какая-то невнятная, вредная для души и мозгов духовная жвачка. Очень показательным, на мой взгляд, стало событие в мировом кино, где одним из номинантов на главную премию американской киноакадемии «Оскар» выставлена картина «Барби»! А ведь в недавнем прошлом «Оскар» получали настоящие киношедевры, производившие истинный фурор в культуре и киноискусстве. Подобное происходит и в сегодняшней литературе.

Обнадеживает тот факт, что в последние годы у нас в Казахстане государственные программы обращены не только к экономике, но и к духовно-нравственному здоровью подрастающего поколения, обращается внимание на необходимость всесторонней поддержки пропаганды чтения умных и полезных книг. Очень хочется верить, что наш прекрасно и всесторонне образованный Президент сумеет вновь развернуть народ лицом к просвещению и поднимет опустившийся за последние десятилетия престиж ее Величества Книги. Ведь не зря говорят: «Тот, кто читает, тот правит миром!»

– Ты права, Самал. Невозможно переоценить значение книг в воспитании детей, в формировании человеческой личности. Мне кажется, у нас в стране уже приходит это понимание. «Только читающая нация может стать по-настоящему интеллектуальной», – говорил Президент Касым-Жомарт Токаев, предлагая государственную программу «Детская библиотека», которая призвана сделать доступными для всех детей произведения всех периодов и жанров казахской и мировой литературы. И её реализация уже началась, о чем, говоря о необходимости новой общественной этики, информировал в своем выступлении Президент на третьем Национальном курултае в Атырау, а подробнее – на заседании секции «Культура. Искусство. Духовность» министр культуры РК Аида Балаева. В числе новых изданий будут и книги творческого наследия Бердибека Сокпакбаева. Они живут в народе, востребованы в новом Казахстане, где пришло время людей созидающих, ответственных, трудолюбивых, справедливых – Адал азамат, похожих на него и его героев, вынесших все эти золотые человеческие качества из своей страны детства и оставшихся верными им.

– Радует, что эта государственная программа начала реализовываться в год 100-летнего юбилея классика национальной детской литературы, и новые издания книг Бердибека Сокпакбаева придут к читателям. Также символично, что в преддверии юбилея в июне 2022 года в Астане в парке Жетысу состоялось торжественное открытие скульптурной композиции в честь героя книги и знаменитого фильма «Меня зовут Кожа». На презентацию монумента пригласили мою семью, исполнителей ролей Кожи и Жанар – Нурлана Сегизбаева и Гульнар Курабаева. Работа скульптора Азамата

Талапхана получилась очень удачной и впечатляющей. Пользуясь этой публикацией, хочу выразить огромную благодарность нашему известному писателю Жанболату Аупбаеву, которому принадлежит идея установления этого памятника, Мурату Кожамкулову за идею композиции и, конечно, талантливому автору прекрасного монумента!

– Значит, наш юный, неунывающий, противостоящий всем невзгодам Кожа по-прежнему с нами! И сегодня готов прийти на выручку своим сверстникам в самых сложных жизненных ситуациях. Надо только, чтобы наши дети и подростки, подрастающие поколения нашей страны, с помощью родителей, педагогов, библиотекарей со всей своей неиссякаемой любознательностью возвратились к старым, испытанным, проверенным временем друзьям и помощникам – КНИГАМ!

